УДК 808.1

М. М. БАХТИН В 1920-Е ГГ.: НА ПОДСТУПАХ К ТЕОРИИ СМЕХОВОГО СЛОВА

© Светлана Дубровская

M. M. BAKHTIN IN THE 1920s: ON THE THRESHOLD OF THE RISORIAL WORD THEORY

Svetlana Dubrovskaya

The concept of the risorial word is one of the essential components of Bakhtin's theory of the comical. The notion of the risorial word is a part of Bakhtin's philosophy of laughter and is related to his esthetics of the comical. The scholar uses this notion to construct the theory of Popular Laughter Culture, to analyze novelistic language and the speaking person.

The article explores the works, created by Bakhtin in the 1920s. They demonstrate the origins of the risorial word theory against the backdrop of the evolution of Bakhtin's literary interests. The theory of verbal representation of laughter and the interpretation of the risorial word were preceded by the analysis of a wide range of linguistic, literary and cultural phenomena.

The names of A. S. Pushkin, N. V. Gogol and F. M. Dostoyevsky appear in the early works of Bakhtin, which allows us to make a conclusion about the scholar's strong interest in the comical line of Russian classical literature as early as at this stage. In his "Author and Hero in Aesthetic Activity", we see notions essentially close to "the laughter terminology" of the following decades. In his "home lectures" Bakhtin touches upon the issues of laughter, the meaning of the comical in the works of particular authors and in the history of literature at large. In "Problems of Dostoevsky's Poetics" Bakhtin comes close to describing the mechanisms of laughter verbalization.

In the 1920s, the scholar "puts together" the conception, the concept of the risorial word "ripens" before it is presented in its more or less completed form in the 1930s-1940s.

Keywords: M. M. Bakhtin, laughter, risorial word, comic, laughter culture, Russian classics.

Концепция смехового слова является одной из важнейших составляющих теории комического М. М. Бахтина. Понятие смехового слова входит в бахтинскую философию смеха и связано с его эстетикой комического. Ученый использует его при выстраивании теории народной смеховой культуры, при анализе романного образа языка и говорящего человека.

В статье исследуются бахтинские работы 1920-х годов, отразившие процесс зарождения теории смехового слова в контексте эволюции литературоведческих интересов ученого. Показывается, что теория вербального оформления смеха и интерпретация смехового слова подготавливаются анализом целого ряда явлений языка, литературы и культуры.

Показательно появление в работах раннего Бахтина имен А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского, что позволяет уже на этом этапе отметить устойчивый интерес ученого именно к комической линии русской классики. В «Авторе и герое в эстетической деятельности» формируется круг понятий, по сути своей близких «смеховой терминологии» последующих десятилетий. Вопросы смеха, значения комического в творчестве отдельных авторов и в истории литературы в целом затрагиваются Бахтиным в рамках «домашних лекций». В «Проблемах творчества Достоевского» Бахтин подходит к описанию механизмов вербализации смеха.

В 1920-е гг. ученый «собирает» концепцию, происходит своего рода «назревание» идеи смехового слова, которая будет представлена в 1930–1940-е гг. в более или менее завершенном виде.

Ключевые слова: М. М. Бахтин, смех, смеховое слово, комическое, смеховая культура, русская классика.

Смех, смеющийся человек, смеховое слово, смеховая культура – понятия, тесно связанные с кругом проблем, сформировавшимся в научных трудах М. М. Бахтина. Они неоднократно при-

влекали внимание исследователей [Асанина, Дубровская, Осовский], становясь предметом полемики с ученым [Аверинцев, 1993], [Аверинцев, 2001], [Баткин], [Гуревич, 1981], [Гуревич,

1984] или представляя опыты культурфилософской интерпретации [Гройс], [Исупов, 1992], [Исупов, 2001], [Махлин, 2009], [Махлин, 2015], [Попова, 2009], [Попова, 2017] и др.

Сфера смеха и смеховой культуры составляет важнейшую часть бахтинского наследия. «Сюжет о смехе» возникает у Бахтина достаточно рано, в годы его пребывания в дореволюционном Петрограде [Бахтин, т. 5, с. 419] и в Невельском кружке [Хурумов], правда остается на периферии до первой половины 1930-х гг. В ранних работах еще не намечена теория вербального оформления смеха, хотя в рамках построения своей нравственной философии, в частности во фрагментах, озаглавленных «К философии поступка», Бахтин уделяет серьезное внимание связи этического и комического. Процесс «себя-исключения» (как составная часть «внеаходимости», важнейшего понятия ранней философии Бахтина) описывается в значительной степени через примеры из литературы, которые сопровождаются не только философским, но и историко-теоретико-литературным анализом. В этом смысле показательно появление в работах раннего Бахтина имен А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского, что позволяет уже на этом этапе отметить устойчивый интерес ученого именно к комической линии русской классики. Нельзя не заметить, что процесс «себя-исключения» протекает в условиях возникновения дистанции, на которой и происходит смена смыслов и значений, меняющих все, вплоть до интонации, сопровождающей явление или слово. Согласимся с мыслью комментаторов собрания сочинений Бахтина, полагающих, что здесь возможно усмотреть приближение ученого к механизму внеаходимости, который будет им описан применительно к формам народной смеховой культуры европейского средневековья и Возрождения [Бахтин, т. 1, с. 420–421].

Немалую роль в развитии интереса к смеху и комической составляющей жизни, как полагают исследователи, сыграло участие молодого филолога в поэтическом кружке «Омфалос» [Шруба], среди создателей и идеологов которого находился его старший брат Н. М. Бахтин [Осовский, 2001]. В «Беседах с В. Д. Дувакиным», характеризуя идею «Омфалоса», М. М. Бахтин сравнивает общество с «Арзамасом» («такого же типа»), называет участников «шуты от науки» и специально подчеркивает: «Это была более широкая пародия в духе, скажем, средневековой: пародирование самого серьезного и хмурого стиля жизни» [Беседы В. Д. Дувакина с М. М. Бахтиным, с. 60, 61]. По наблюдению Н. И. Николаева, собрания «Омфалоса» с их веселостью

оказали влияние на Л. В. Пумпянского и М. Бахтина в плане их оригинального подхода к теории смеха и комического [Николаев, 1986], [Николаев, 2017]. Участие Бахтина в литературно-пародийном кружке, возможно, сказалось и на характере его работы над первыми «спорными текстами» (см.: [Пумпянский, с. 11]). В работах «Круга Бахтина» смех характеризуется как освобождающий «от серьезности жизни» [Бахтин М. М. (под маской), с. 30, 141].

В 1920-е гг. вопросы смеха и комического присутствуют имплицитно, на уровне «неожиданных» (для основного круга обсуждаемых проблем) формулировок и характеристик, созвучных терминологии последующих десятилетий, о чем убедительно пишет Н. И. Николаев (см.: [Пумпянский, с. 807]). Отметим, что при этом в «Авторе и герое в эстетической деятельности» (1920–1924) формируется круг понятий по сути своей близких «смеховой терминологии» Бахтина 1930-х гг. (в какой-то мере предвосхищающих ее). Так, ученый оперирует понятиями «иронизация», «юморизация», «сатиризация», «сатирическое задание», «высмеивание бытием»; рассматривает фон как «разоблачение» или «облачение» героя, описывает позицию, которая дает возможность автору «передразнить человека и жизнь» [Бахтин, т. 1, с. 259].

Высказывая в «Авторе и герое» отдельные замечания о сущности комического, в частности о невозможности исключительно отрицательного звучания смеха в юморе, Бахтин подходит к обозначению такого явления, как амбивалентность слова, в данном случае – слова юмористического [Там же, с. 259]. В этом контексте примечательно то, что фрагмент из трактата к «Философии поступка» с разбором пушкинской «Разлуки» продолжается в «Авторе и герое». Своеобразная «пушкинская линия» связана с выходом на фигуру Ленского как персонажа, стихи и сам образ которого в «Евгении Онегине» оказываются гораздо более многозначными («многоголовыми»¹), чем это могло бы показаться на первый взгляд. Именно в связи со строчками Ленского в работе Бахтина возникает понятие иронического и пародийного текста. Исчезновение «познавательно-этической характеристики» в соответствующих строфах пушкинского романа ведет, по мысли Бахтина, к сугубо литературному оформлению героя, приобретающему пародийно-комический оттенок [Там же, с. 82–83]. Романтическое слово Ленского в этих условиях превращается в почти пародию на себя, очевидную,

¹ По терминологии М. М. Бахтина конца 1920-х годов.

по мнению комментаторов, для Пушкина и его круга [Там же, с. 575].

В 1920-е гг. вопросы смеха, значения комического в творчестве отдельных авторов и в истории литературы в целом затрагиваются Бахтиным и в рамках «домашних лекций» (1922–27 гг.; Витебск – Ленинград; записано Р. М. Миркиной) [Бахтин, т. 2, с. 213–427]. В связи с рассказами Зощенко Бахтин дает абрис комического характера в русской литературе и выходит на проблемы комического (от Гоголя к Островскому и Салтыкову-Щедрину, Чехову, «Сатирикону», современным ему юмористам) [Там же, с. 411–412]. Именно здесь появляется такая характеристика сатиры Н. В. Гоголя, как «голый смех», имеющий «мировой характер» [Там же, с. 423]. Это одно из первых обозначений особого характера комического у Гоголя – сатиры смеховой, – которое может быть определено как подступы к формулировке понятия смехового слова. В этих же лекциях обращает на себя внимание и противопоставление комического таланта Гоголя идеологической сатире М. Е. Салтыкова-Щедрина и использование понятия авторской вненаходимости для объяснения разницы смеха этих писателей.

В «Проблемах творчества Достоевского» (1929) Бахтин подходит к описанию механизмов вербализации смеха. Связано это, по точному определению С. Г. Бочарова, прежде всего с радикальным изменением исследовательского взгляда Бахтина, продиктованным тем, что «доминирующими категориями для описания ситуации автора становятся не оптические позиции, а слово и диалог» [Бочаров, с. 76–77] (см. также: [Осовский, 1997]). Акцент на слове автора, на говорящем герое и его двуголосом слове обостряет внимание к смеху. Первоначально смех описан вместе с другими невербальными маркерами присутствия второго голоса в слове², а также как поведенческое проявление героя, фиксирующее «результат перебоя, интерференции двух голосов в одном голосе, двух реплик – в одной реплике» [Бахтин, т. 2, с. 165]. Словесный ракурс описания романного героя подводит Бахтина к формулированию идеи, созвучной его пониманию «карнавализации», – идеи принципиальной незавершенности героя и события у Достоевского [Там же, с. 125]. В этом смысле при-

мечателен анализ Бахтиным образа Ивана в связи с его диалогом со Смердяковым, где звучание «второго голоса» добавляет в напряженный трагический разговор комизм.

В примерах конкретного анализа слова героев («словесные оглядки» Девушкина, дразнящий «пародийно-утрирующий» стиль «Двойника», «обращающееся слово» человека из подполья, «проникновенное слово» Мышкина, «слово с лазейкой» Голядкина, Настасьи Филипповны, Ипполита) особое внимание привлекает такое явление, как «слово с лазейкой». С одной стороны, ученый отмечает характерную особенность метода Достоевского – «незавершенность» героя, проявляющуюся в слове, с другой – Бахтин подчеркивает механизм возникновения двуголосого слова, в том числе и слова смехового. Тип «слова с лазейкой» как характеристика слова Голядкина, Настасьи Филипповны, Ипполита подготавливает идеи карнавального истока романного слова Достоевского и эксцентричности как примете карнавализованной литературы. Чуть забегаю вперед, возможно, модернизируя идею, можно сказать, что Бахтин уже здесь обозначает смеховую составляющую слова писателя. Ученый еще не формулирует концепцию: в «Проблемах творчества Достоевского» для него важен сам феномен полифонии и связанная с ним типология слова, другие явления упоминаются только для разъяснения диалогичности, акцентирования полифонического звучания романного слова Достоевского.

В выстроенной в книге типологии прозаического слова (стилизация, пародия, сказ), ученый особое внимание уделяет слову пародийному, выделяя разнообразные векторы пародии. Это и пародирование «чужого стиля как стиля», и «поверхностных словесных форм», и «самых глубинных принципов чужого слова» [Там же, с. 90]. Здесь представлены не только объекты пародии, но и их контекстуальное наполнение (выделены уровни пародирования – «поверхностный» и «глубинный»). Бахтин проблематизирует вопрос о пародийном слове и его роли в достижении специфического диалогизма романного слова, вступая в полемику с пониманием пародии, характерным для русской формальной школы, с Ю. Тыняновым и В. В. Виноградовым [Кормилов], [Куянджич], [Шайтанов].

Отмечает Бахтин и такую выразительную возможность пародийного слова, как разные авторские установки: «... пародия может быть самоцелью (например, литературная пародия как жанр), но может служить и для достижения иных, положительных целей (например, пародийный стиль у Ариосто, пародийный стиль у

² Например: «...перебои в голосе Ивана очень тонки и выражаются не столько в слове, сколько в неуместной с точки зрения смысла его речи паузе, в непонятном с точки зрения его первого голоса изменении тона, неожиданном и неуместном смехе и т. п.» [Бахтин, т. 2, с. 165].

Пушкина)» [Бахтин, т. 2, с. 90]³. В тесной связи с пониманием разнонаправленности и многоуровневости пародии находится проблема соотношения смехового и серьезного в сказовом слове [Там же, с. 90–91]. Современный сказ (например, сказ Зощенко) для Бахтина представляет тип упрощенного, редуцированного смехового жанра, комическая составляющая которого находится на поверхности авторского слова [Там же, с. 411].

Таким образом, ранние работы свидетельствуют о наличии интереса к смеховому дискурсу и его последовательной проблематизации при рассмотрении чужого слова, сказового слова, пародийного слова, обозначении таких возможностей пародии, как разнонаправленность и многоуровневость высказывания. В 1920-е гг. ученый «собирает» концепцию, происходит своего рода «назревание» идеи смехового слова, которая в последующие десятилетия фактически складывается в теорию смехового слова. А она, в свою очередь, становится важнейшим инструментом для адекватного понимания места и роли смехового слова в литературном сознании в истории комического дискурса мировой и русской словесности.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-012-00341 А.

Список литературы

Аверинцев С. С. Бахтин и русское отношение к смеху / От мифа к литературе. Сб. в честь 75-летия Е. А. Мелетинского. М., 1993. С. 341–345.

Аверинцев С. С. Бахтин, смех, христианская культура // М. М. Бахтин: pro et contra. СПб., 2001. Т. I. С. 468–483.

Асанина М. Ю., Дубровская С. А., Осовский О. Е. Проблемы смеха и «смехового слова» в российском литературоведении последних десятилетий // М. М. Бахтин в Саранске: док., материалы, исслед. Саранск, 2006. Вып. 2–3. С. 111–128.

Баткин Л. М. Смех Панурга и философия культуры // Вопросы философии. 1967. № 12. С. 114–123.

Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 1–6. М.: Рус. словари; Языки славянских культур, 1996–2012.

Бахтин М. М. (под маской). Фрейдиизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. М.: Лабиринт, 2000. 640 с.

Беседы В. Д. Дувакина с М. М. Бахтиным. М.: Прогресс, 1996. 342 с.

Бочаров С. Г. Об одном разговоре и вокруг него // Михаил Михайлович Бахтин / под ред. В. Л. Махлина. М., 2010. С. 47–79.

Гройс Б. Ницшеанские темы и мотивы в русской культуре 30-х годов // Бахтинский сборник. М., 1992. Вып. 2. С. 104–126.

Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Искусство, 1984. 350 с.

Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М.: Искусство, 1981. 359 с.

Исупов К. Г. Бахтинский кризис гуманизма: (Материалы к проблеме) // Бахтинский сб. Вып. 2. М. 1992. С. 127–155.

Исупов К. Г. Уроки М. М. Бахтина // М. М. Бахтин: pro et contra. Т. 1. СПб., 2001. С. 7–44.

Кормилов С. И. Особенности литературоведческой терминологии М. М. Бахтина и строение литературно-художественного произведения // Диалог. Карнавал. Хронотоп, 1996, № 2 (15). С. 5–22.

Куюнджич Д. Смех как «другой» у Бахтина и Деррида // Бахтинский сборник. Вып. 1. М., 1990. С. 83–107.

Махлин В. Л. Большое время: Подступы к мышлению М. М. Бахтина. Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny, 2015. 176 с.

Махлин В. Л. Второе сознание: Подступы к гуманитарной эпистемологии. М.: Знак, 2009. 632 с.

Николаев Н. И. Творчество Гоголя в исследованиях Л. В. Пумпянского // Преподавание литературного чтения в эстонской школе: Методические разработки. Таллинн, 1986. С. 92–99.

Николаев Н. И. Тептелкин и другие в романе Конст. Вагинова «Козлиная песнь» // Литературный факт. 2017. № 4. С. 233–267.

Осовский О. Е. Диалог в большом времени: литературоведческая концепция М. М. Бахтина. Саранск: Морд. гос. пед. ин-т им. М. Е. Евсевьева, 1997. 192 с.

Осовский О. Е. Один из уехавших: жизнь и судьба Николая Бахтина // Михаил Бахтин: pro et contra. СПб., 2001. Т. 1. С. 136–157.

Попова И. Л. Бахтин и формалисты: Об одном незамеченном случае сближения // Эпоха «остранения». Русский формализм и современное гуманитарное знание. НЛЮ, 2017. С. 392–403.

Попова И. Л. Книга М. М. Бахтина о Франсуа Рабле и ее значение для теории литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 464 с.

Пумпянский Л. В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы / отв. ред. А. П. Чудаков; вступ. ст., подгот. текста и примеч. Н. И. Николаева. М.: Языки русской культуры, 2000. 864 с.

Хурумов С. Ю. Вопрос о смехе в Невельском кружке // Бахтинский сборник. Вып. IV. Саранск, 2000. С. 17–20.

Шайтанов И. О. Жанровое слово у Бахтина и формалистов // Вопросы литературы. 1996. № 3. С. 89–114.

Шруба М. «Омфалический олимп» (или «Омфалос») // М. Шруба Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. М., 2004. С. 164–165.

³ В этом высказывании намечается научный сюжет последующих рассуждений Бахтина о карнавальной природе пародии. Ср. в «Проблемах поэтики Достоевского» [Бахтин, т. 6, с. 143].

References

- Asanina, M. Iu., Dubrovskaja, S. A., Osovskii, O. Ie. (2006). *Problemy smekha i "smekhovogo slova" v rossijskom literaturovedenii poslednih desyatiletij* [Problems of Laughter and "Risorial Word" in Russian Literary Criticism of the Last Decades]. M. M. Bahtin v Saranske: dok., materialy, issled. Vol. 2–3, pp. 111–128. Saransk. (In Russian)
- Averintsev, S. S. (1993). *Bakhtin i russkoe otnoshenie k smekhu* [Bakhtin and the Russian Attitude to Laughter]. Ot mifa k literature. Sb. v chest' 75-letija E. A. Meletinskogo. Pp. 341–345. Moscow. (In Russian)
- Averintsev, S. S. (2001). *Bahtin, smekh, khristianskaia kul'tura* [Bakhtin, Laughter, Christian Culture]. M. M. Bahtin: pro et contra. V. I. pp. 468–483. St. Petersburg. (In Russian)
- Bakhtin, M. M. (1996–2012). *Sobranie sochinenii* [Collection of Works]. V. 1–6. Moscow. Russkie slovari; Iazyki slavianskikh kul'tur. (In Russian)
- Bakhtin, M. M. (pod maskoi). (2000). *Freidizm. Formal'nyi metod v literaturovedenii. Marksizm i filosofija iazyka. Stat'i* [Freudism. The Formal Method in Literary Studies. Articles]. 640 p. Moscow, Labirint. (In Russian)
- Batkin, L. M. (1967). *Smekh Panurga i filosofija kul'tury* [Panurge's Laughter and the Philosophy of Culture]. Voprosy filosofii. No.12, pp. 114–123. (In Russian)
- Besedy V. D. Duvakina s M. M. Bakhtinym (1996) [Conversations of V. D. Duvakin with M. M. Bakhtin]. 342 p. Moscow, Progress. (In Russian)
- Bocharov, S. G. (2010). *Ob odnom razgove i vokrug nego* [About One Conversation and Around It]. Mihail Mihailovich Bahtin / Pod red. V. L. Mahlina. Pp. 47–79. Moscow. (In Russian)
- Grois, B. (1992). *Nitscheanskije temy i motivy v russkoi kul'ture 30-kh godov* [Nietzschean Themes and Motifs in Russian Culture of the 1930s]. Bakhtinskii sbornik, vyp. 2, pp. 104–126. Moscow. (In Russian)
- Gurevich, A. Ia. (1984). *Kategorii srednevekovoi kul'tury* [Categories of Medieval Culture]. 2-e izd., ispr. i dop. 350 p. Moscow, Iskusstvo. (In Russian)
- Gurevich, A. Ia. (1981). *Problemy srednevekovoi narodnoi kul'tury* [Problems of Medieval Folk Culture]. 359 p. Moscow, Iskusstvo. (In Russian)
- Isupov, K. G. (1992). *Bakhtinskii krizis gumanizma: (Materialy k probleme)* [Bakhtin's Crisis of Humanism: (Materials for the Problem)]. Bahtinskii sb., vyp. 2, pp. 127–155. Moscow. (In Russian)
- Isupov, K. G. (2001). *Uroki M. M. Bakhtina* [The Lessons of M. M. Bakhtin]. M. M. Bakhtin: rgo et sontra. Vyp. 1, pp. 7–44. St. Petersburg. (In Russian)
- Khurumov, S. Iu. (2000). *Vopros o smekhe v Nevel'skom krughe* [The Issue of Laughter in the Nevelsky Society]. Bakhtinskii sbornik. Vyp. IV, pp.17–20. Saransk. (In Russian)
- Kormilov, S. I. (1996). *Osobennosti literaturovedcheskoi terminologii M. M. Bakhtina i stroenie literaturno-khudozhestvennogo proizvedeniia* [On the Characteristic Features of M. M. Bakhtin's Literary Terminology and the Structure of a Fictional Work]. Dialog. Karnaval. Khronotop, No. 2 (15), pp. 5–22. (In Russian)
- Kuiundzhich, D. (1990). *Smekh kak "drugoi" u Bakhtina i Derrida* [Laughter as "the Other" in Bakhtin and Derrida]. Bakhtinskii sbornik. Vyp. 1, pp. 83–107. Moscow. (In Russian)
- Makhlin, V. L. (2015). *Bol'shoe vremia: Podstupy k myshleniiu M. M. Bakhtina* [The Big Time: Approaches to M. M. Bakhtin's Thinking]. 176 p. Siedlce, University of Natural Sciences and Humanities. (In Russian)
- Makhlin, V. L. (2009). *Vtoroe soznanie: Podstupy k gumanitarnoi epistemologii* [Second Consciousness: Approaches to Human Epistemology]. 632 p. Moscow, Znack (In Russian)
- Nikolaev, N. I. (2017). *Teptelkin i drugie v romane Konst. Vaginova "Kozlinaia pesn'"* [Teptelkin and Others in Konstantin Vaginov's "Satyr Chorus"]. Literaturnyi fakt. No. 4, pp. 233–267. (In Russian)
- Nikolaev, N. I. (1986). *Tvorchestvo Gogolia v issledovaniakh L. V. Pumpianskogo* [Gogol's Oeuvre in L. V. Pumpyansky's Research]. Prepodavanie literaturnogo chteniia v estonskoi shkole. Metodicheskie razrabotki, pp. 92–99. Tallinn. (In Russian)
- Osovskii, O. E. (1997). *Dialog v bol'shom vremeni: literaturovedcheskaia kontseptsia M. M. Bakhtina* [A Dialogue in Big Time: The Literary Concept of M. M. Bakhtin]. 192 p. Saransk, Mord. gos. ped. in-t im. M. E. Evsev'eva. (In Russian)
- Osovskii, O. E. (2001). *Odin iz uekhavshikh: zhizn' i sud'ba Nikolaia Bakhtina* [One of Those Who Left: The Life and Fate of Nikolai Bakhtin]. Mihail Bakhtin: pro et contra. V. 1, pp. 136–157. St. Petersburg. (In Russian)
- Popova, I. L. (2007). *Bahtin i formalisty: Ob odnom nezamechennom sluchae sblizheniia* [Bakhtin and the Formalists: On One Unnoticed Case of Convergence]. Epokha "ostraneniia". Russkii formalizm i sovremennoe gumanitarnoe znanie. Pp. 392–403. NLO. (In Russian)
- Popova, I. L. (2009). *Kniga M. M. Bakhtina o Fransua Rable i ee znachenie dlia teorii literatury* [M. M. Bakhtin's Book about Francois Rabelais and Its Significance for the Theory of Literature]. 464 p. Moscow, IMLI RAN. (In Russian)
- Pumpianskii, L. V. (2000). *Klassicheskaja traditsia: Sobranie trudov po istorii russkoi literatury* [Classical Tradition: Collected Works on the History of Russian Literature]. Otv. red. A. P. Chudakov; sost.: E. M. Isserlin, N. I. Nikolaev; vstup. st., podgot. teksta i primech. N. I. Nikolaeva. 864 p. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury. (In Russian)
- Shaitanov, I. O. (1996). *Zhanrovoe slovo u Bakhtina i formalistov* [Bakhtin's Genre Word and the Formalists]. Voprosy literatury. No. 3, pp. 89–114. (In Russian)
- Shruba, M. (2004). *"Omfalicheskii olimp" (ili "Omfalos")* [Omphalic Olympus (or Omphalos)]. M. Shruba Literaturnye ob"edineniia Moskvy i Peterburga 1890–1917 godov: Slovar'. Pp. 164–165. Moscow. (In Russian)

The article was submitted on 12.03.2019

Поступила в редакцию 12.03.2019

Дубровская Светлана Анатольевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарева,
430005, Россия, Саранск,
Большевицкая, 68.
s.dubrovskaya@bk.ru

Dubrovskaya Svetlana Anatolyevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
National Research N. P. Ogarev
Mordovia University,

68 Bolshevistskaya Str.,
Saransk, 430005, Russian Federation.
s.dubrovskaya@bk.ru